

Заключительное слово докладчика

А.И. Соловьев

Уважаемые коллеги! Вот я слушаю вас и думаю: за что же люди обижены на либералов? То есть я чувствую, что у многих из вас есть какая-то внутренняя, лично мотивированная позиция отрицания и практик либерализма, и самого этого учения. Это даже не постмодернистское прочтение либерализма, а его эмоциональное отрицание. С этим, конечно, не поборешься. Хотя я бы напомнил, что именно уничтожение индивидуалистического сознания у нас в стране, отсутствие у людей гражданского самоуважения и ведет к «нерассуждающему самопожертвованию» (А. Оболонский), массовому потворничеству властям, преследующим свои корыстные цели. Это, к сожалению, бич российского народа — не отказывать авторитарным властителям в повиновении, а пресмыкаться перед ними и даже поддерживать тех, по чьей вине люди, собственно, и попадают в затруднительное положение. Ну да ладно, остановимся на теоретических аргументах. Здесь я хотел бы высказаться по трем позициям.

Первое и основное: у либерализма было, есть и останется вовеки свое концептуальное начало, некая ядерная структура. Ее можно по-разному описывать теоретически или воспринимать мировоззренчески, но это тот комплекс принципиальных суждений, который во всех случаях дает возможность идентифицировать и специфицировать рассматриваемое идейное течение. Но еще раз повторю: различные конструкции и взаимосвязи этих исходных положений могут быть интерпретированы в разных теоретических схемах.

Помимо концептуального ядра либерализм в своем политическом преломлении, действуя как некая идеологическая схема, содержит еще и *программные* положения, которые пытаются связать исходные принципы с контекстом. В своем же

актуализированном, опредмеченном виде эта программная часть также имеет свою практическую развертку. При этом во всех вариантах решение тех или иных задач — в рамках физического, исторического или эпохального времени — приводит к существованию различных *форм проявления* либеральной идеологии.

Такое положение не удивительно, поскольку и акторы у либерализма разные: партии, государства, режимы, группы давления и прочие субъекты, решающие при этом свои собственные задачи. Другими словами, мы видим очень сложный жизненный контур социального самоосуществления либерализма, в котором по-своему проявляются и его внутренние противоречия (например, между концептуальной и программной частями данной идеологии), и расхождения между теоретическими подходами (к интерпретации исходных принципов), и конфликты между разными формами его актуализации в массовом и групповом (элитарном) сознании. Короче, очень сложная вещь это реальное историческое функционирование либерализма. А что предлагают оппоненты? Берут один вид — подчеркиваю, *практической* — политики (не важно, военной или какой-то иной) одного конкретного государства и начинают на этой основе критиковать ... концептуальное ядро ... либерализма (!). Ну давайте тогда устроим обструкцию католической доктрине за политику папства во Второй мировой войне. Думаю, что за счет такого редуцирования не то что истину поймать невозможно, но и остаться на рациональных позициях трудно. Конечно, какие-то связи (с учетом исторического контекста) даже этим грубым методическим приемом выявить можно. Но посмотрите, сколько ступенек связывает концепт и его формы реализации в политике конкретного государства (которое, как я уже говорил, никогда не действует в режиме моноидеологической мотивации). Государство как носитель любой идеологии всегда ориентировано на решение универсальных задач обеспечения своей жизнедеятельности, и для

него идеология является *лишь одной из возможных* предпосылок принятия решений. Причем одна, даже преобладающая идеология никогда не покрывает всего спектра государственных решений. Потом у государства всегда в чести принудительные средства регулирования, применение которых обладает универсальным характером и в ряде случаев вообще не связано с какой-то идеологической детерминацией. Прибавьте к этому постоянную ориентацию государственной власти на двойные и тройные стандарты как символ политического регулирования. Я уже не говорю о постоянных (отраслевых) противоречиях в государственной политике, функциональной диффузии госаппарата и многих других особенностях организации этого института. И что в итоге получаем? Обвинения либерализму или трезвое понимание традиционного формата применения государством своей власти? Поэтому, когда, обличая «американский империализм» на этой основе столь же решительно обличают и либерализм как идейное течение, то можно сказать, что мы автоматически переходим на идеологические позиции.

К сожалению — хотя я заранее акцентировал внимание на такого рода оценках в докладе, — в нашей аудитории звучали и просто обывательские суждения (наподобие отождествления либерализма с эгоизмом, свободы — с анархией и т. д.). Ну, а попытки поставить либерализм на одну доску с фашизмом показали, что наш дискурс выходит за рамки научной полемики и скатывается к какой-то бытовой вульгаризации. Коротко говоря, я за то, чтобы, анализируя и критикуя либерализм — а его есть за что критиковать, — мы стояли бы на научных, а не партийных позициях, оперировали бы фактами и логикой, а не фантазиями и групповыми пристрастиями.

Вот ведь говорили же сегодня, что в этом учении, якобы, присутствует какое-то противопоставление человека и общества. Да нет в либерализме этого! Нет и никогда не было! Просто в связке общество — человек либерализм отстаивает *приоритет* индивида по отношению к любым

формам совместности. Кто не верит — пусть «прильнет к классикам». А у нас вместо того, чтобы опровергнуть эту жуткую выдумку, почему-то ее обсуждают, апеллируют к ней... Это я к тому, что не надо ничего придумывать за либерализм, а тем более выносить ему исторические приговоры. Если что-то и обречено, то только досужие выдумки о либерализме.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, это вопрос идентификации либерализма и либералов. Начну с того, что в мире нет государств, чьи правящие режимы однозначно ориентировались бы на одну идеологическую конструкцию. Может быть, за исключением тоталитарных государств. В любом случае, современность дает более сложную картину политического проектирования государственной политики. При этом нельзя забывать, что в разных идеологиях присутствует разный набор целей и средств, которые зависят от конкретного правительства. В этом смысле свобода как принцип либерализма представляет собой лишь предпосылку коммуникаций человека и государства, источник деятельности правительства (но вот что конкретно получится при практической реализации этой ценности — вопрос открытый). Поэтому, когда речь идет о практическом применении либерализма, то следует начинать с анализа конкретного контекста. И нельзя упускать из виду то, что даже, когда кто-то называет себя либералом, то для подтверждения такой идентификации надо смотреть на социально-экономическое содержание его действий. Чаще возникает ситуация, когда те, кто называл себя либералами, после прихода во власть вынуждены ориентироваться совсем на иные ценности. И нередко политика этих людей становится совсем не либеральной, хотя они и продолжают называть себя либералами.

Многие люди или правительственные деятели, которые говорят, что они либералы, на самом деле очень далеки от либерализма. Поэтому надо разделять их мнение о себе, пропа-

гандистские декларации (создающие имидж того или иного политика) и реальное содержание их поведенческих акций. Мы должны давать четкий теоретический анализ реальности, а не следовать в русле политических самооценок разных деятелей.

Третий момент касается российской ситуации. Один герой пьесы сказал: прежде, чем чистить зубы, их надо вставить. Сегодня наше общество, как и любой другой переходный социум, демонстрирует асинхронный характер эволюции. Поэтому для начала мы должны создать самые простые институциональные условия, которые дадут людям возможность осознать и почувствовать свой гражданский статус, ощутить себя даже не хозяевами, а обычными, но полноправными людьми в своем государстве. То есть не надо ни ставить перед собой сложных, опережающих действительность задач, ни мистифицировать общественное мнение несбыточными обещаниями светлого будущего. Надо создавать условия для этих людей, которые сами построят себе все, что нужно. И надо видеть, что сегодня многие руководители, прикрываясь некими идеологическими лейблами, работают не на общество, а на себя. И наша профессиональная задача — разоблачать такие практики, показывать расхождения между идейным и реальным содержанием государственной политики.

Коллеги! В заключение я хотел бы привлечь ваше внимание к сложности и неоднозначности процессов функционирования в обществе любых идейных конструкций. Их политическая и когнитивная развертка имеет сложную и противоречивую логику, которую невозможно раскрыть, редуцируя смыслы и игнорируя специфику разных уровней организации общества. При этом следует различать теоретические и прикладные аспекты этих идейных конструкций. К примеру, вы можете создать хорошую теорию, но которой ни одно правительство пользоваться не будет, и в обществе на нее не будет спроса. И наоборот, правительство, решая

какие-то конкретные проблемы, может оказаться значительно более либеральным, чем те теоретики, которые вроде бы стоят на этих позициях. Одним словом, сложные проблемы надо решать, не упрощая реальность, и, тем более, не впадать в обличительство. Поэтому нам надо оставаться (и твердо там стоять) в поле науки, а не лежать на заранее заготовленных идеологических позициях.